

**Валерий
ШАРАПОВ**

**СТАЖЕР
НЕЛЕГАЛЬНОЙ
РАЗВЕДКИ**

ЭТОТ ЭКЗАМЕН ОН ДОЛЖЕН СДАТЬ ПРИ ЛЮБОМ РАСКЛАДЕ

Валерий Шарапов
Стажер нелегальной разведки

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Мы ушли, словно не были,
и следов не оставили,
Мы в атаке не ранены,
не убиты в бою:
То ли в море уплыли мы,
то ли в небе растаяли.
Мы ушли на задание —
мы, как прежде, в строю.
Всегда в строю.

***(А. Галич, «Песня советских
разведчиков»)***

Первая командировка

Глава первая

По перрону Белорусского вокзала не спеша шел молодой человек. Спортивная подтянутая фигура, возраст 22–25 лет, европейские черты лица, рост чуть выше среднего. Внешне он ничем не отличался от окружающих его людей. Да и никому не следовало знать, что в кадрах Управления «С» ПГУ КГБ СССР он проходил как стажер под псевдонимом Фауст и сейчас отправлялся в свою первую, пусть и учебно-тренировочную, зарубежную командировку.

Вокруг него была обычная вокзальная суета. Он уезжал за границу, но, на удивление, не чувствовал тоски расставания с родиной. Белые березы и родные осины не тревожили его чувств. Он отправлялся на задание. Первое реальное, пусть учебное, но и боевое задание. Как может быть иначе, ведь он отправлялся из родного соцлагеря в капстрану! Он ехал по чужим документам, должен был совершать действия, от которых местная контрразведка будет точно не в восторге. Тоски не было, была гордость, что он принадлежит к элите самой могущественной спецслужбы страны. Не совсем еще принадлежит, но разобьется, чтобы принадлежать.

По громкоговорителю объявили, что до отправления поезда № 1 «Москва – Париж» остается 30 минут, прицепные вагоны до Варшавы, Берлина и Хук-ван-Холанда находятся в голове поезда.

Он поправил на плече спортивную сумку на длинном ремне и направился в указанном направлении. Отсчет командировки начался, поэтому он уже привычно стал фиксировать окружающую обстановку и людей. Этому его учил один из наставников.

Их было несколько. Часть из них была опалена работой «на холоде», кто-то вообще ни разу не выезжал: это были технические специалисты по шифрованию, тайнописи. Нелегалы тоже были разные, начиная от древних пенсионеров, которых готовил, наверное, еще Артузов, и они так и остались нераскрытыми.

Была и «молодежь», которой повезло меньше и которая была вынуждена вернуться из-за того, что контрразведка страны пребывания обратила на наших людей пристальное внимание. Им не повезло там, да и здесь их устраивали подальше от оперативной работы, как правило, на преподавание в сотую школу или, как в случае с Фаустом, для индивидуального обучения будущих нелегалов.

«Николай Николаевич» выводил Фауста на улицы Москвы и заставлял фильтровать встречный поток людей. Сначала было тяжело, особенно когда в поле зрения попадало более десяти человек. Фауст не успевал анализировать, в глазах рябило от наплыва незнакомых лиц. Потом он научился разбивать поток на группы, находить типажи, видеть, кто выпадает из потока. Это как в лесу. Если ты горожанин до мозга костей, то для тебя все деревья одинаковые, зеленые. Зато опытный глаз фиксирует не только породы деревьев, но и разные несоответствия. Почему под осиной оказались желуди дуба, что за нора под корнями сосны...

Фауст шел по правой стороне платформы и отмечал, как, воровато оглядываясь, грузили большие баулы поляки. Возле следующего вагона провожали западногерманского дипломата с женой на отдых. Дипломат был в ранге не меньше советника, поэтому наметанный взгляд сразу нашел своих коллег из наружки. Они сопровождали объект и изображали семейную пару. У них даже чемодан был. В том, что это топтуны, Фауст был уверен на сто процентов. Ему даже захотелось подмигнуть коллегам по конторе, но он вовремя спохватился. Нельзя привлекать внимание – одно из основных правил разведчика. Спасибо «Николай Николаевичу» за науку.

Дальше была группа из бюро молодежного туризма «Спутник» – сплошные комсомольцы и комсомолки, поощренные ЦК ВЛКСМ, далее иностранцы, командировочные. Все как положено.

Фауст дошел до предпоследнего вагона, на котором была табличка «Москва – Хук-ван-Холланд». У входа стояли два проводника в строгой синей униформе. Молодой человек

поздоровался и предъявил старшему по возрасту билетную книжку и новенький заграничный паспорт. Проводник сначала раскрыл паспорт и уверенно разобрался с латинскими буквами:

– Савельев Павел. – Он быстро глянул на пассажира, желая получить подтверждение, но парень молча ждал окончания процедуры. Проводник быстро просмотрел билетную книжку, в которой были отрывные корешки на поезд до Роттердама и через три недели обратно. – Пожалуйста, проходите, у вас второе купе, – пригласил он пассажира.

Павел прошел в вагон. Его соседом по купе оказался юноша, явно старшеклассник, которого провожала пожилая тетя. Не желая нарушать процедуру инструктажа отправляющегося в путь оболтуса, Павел оставил сумку, вышел на платформу и с улыбкой стал наблюдать за вокзальной суетой на перроне.

Это была его первая поездка в капиталистическую страну, да еще с заданием, отчего у него появилось чувство прощания. Он прощался с Москвой конца семидесятых, с лозунгом на фасаде «Решения XXV съезда КПСС – в жизнь!», с мороженым пломбир.

И тут он заметил возле лотка мороженщицы крупного щенка. Пес, в родословной которого явно прослеживались благородные предки из племени овчарок, с интересом, склонив голову набок, спокойно смотрел на Павла. У молодого человека потеплело на душе. Он знал, что его никто не будет провожать, но подсознательно чего-то ждал.

Все проводы были вчера. По давно устоявшейся традиции накануне отправки нелегала в командировку «на холод» руководство устраивает небольшое застолье на конспиративной квартире. Пришли его куратор Сергей Николаевич и замначальника отдела. Были тосты, были пожелания удачи... Но это было вчера, а сегодня он уже на боевой тропе.

Теперь этот пес. Фауст сразу вспомнил, что так уже было год назад. Тогда была учебно-тренировочная командировка, тоже был вокзал, только Павелецкий. Также был поезд, только до крупного областного центра на Волге. Тогда он был еще зеленый стажер –

гордый, что его приняли в ряды одной из самых могущественных разведок. Кстати, почему именно его?

Глава вторая

Паша Свиридов не мог точно сказать, когда на него обратили внимание сотрудники Комитета госбезопасности. Он почувствовал это внимание еще на третьем курсе университета, когда был студентом дневного отделения химфака. Они с друзьями организовали кино клуб «Волшебный фонарь». По договоренности с администрацией кинотеатра «Пионер» крутили на своих сеансах киноклассику из областной фильмотеки. Затем списались со столичными любителями кино, и их включили в «кольцо». Москвичи договаривались с атташе по культуре в посольствах, и им предоставляли на некоторое время для ознакомления те ленты, которые не попадали в советский прокат. Составлялось расписание городов, включенных в «кольцо», и коробки с лентами путешествовали из одного города в другой, задерживаясь не более чем на один день. Чаще всего за небольшую плату их переправляли с проводниками проходящих поездов. Картины были на языке оригинала, поэтому москвичи помогали еще и переводчиками-волонтерами.

В тот раз они получили киношедевр испанского режиссера Луиса Бунюэля «Тристана». Коробки прибыли поездом из Пензы, а переводчик должен был прилететь из Москвы самолетом. Однако произошел казус – толмач с испанского застрял в столице из-за нелетной погоды, а ленту на следующий день утром надо было уже отправлять в Волгоград. Все билеты на сеанс распроданы, аренда кинозала оплачена. Лихорадочные поиски переводчика-синхрониста с языка Сервантеса закончились неудачей. В университете на кафедре иностранных языков преподавали только английский, немецкий и французский. По каким-то министерским правилам кафедра должна была вести дополнительно факультативы по другим языкам. Поэтому существовали занятия по испанскому и японскому. Но преподаватель испанского, вчерашняя выпускница с

базовым французским, категорически отказалась переводить разговорный с экрана.

Павел посещал этот факультатив, потому что еще на первом курсе заболел мистическим реализмом в произведениях латиноамериканских писателей. Его манила таинственная непознанность далеких стран, пленили мистические вековые традиции и завораживала дремучая первородность провинциальной мудрости. Да и вообще, ему нравились иностранные языки. В школе и потом в вузе он был лучшим в английской группе. Немецким разговорным владел хорошо, потому что отец пять лет проработал в ГДР и сопливое детство пацана прошло среди друзей-немцев.

Кто-то должен был спасти ситуацию. И Павел решился. Но это не было безрассудством в чистом виде. Он почти целый день просидел в университетской библиотеке, внимательно штудировал подшивки журналов «Советский экран» и «Искусство кино», заново пересматривал книги кинокритиков по зарубежному кинематографу, по крупицам выискивая информацию по фильму. Поэтому к началу сеанса уже хорошо представлял сюжет фильма и знал, чего ждать от его героев.

Зал оказался битком. Собрался весь интеллектуальный цвет университета и других вузов. Свиридов сидел возле сцены за столиком. Перед ним стоял микрофон, подключенный к усилителю, от которого, как змеи, расползались провода к динамикам. Весь зал простирался перед ним. Он заметил во втором ряду сотрудников кафедры иностранных языков во главе с самой Идой Георгиевной. Молодой человек понимал, что именно перед ней он будет сейчас держать экзамен. Завкафедрой знала о сложившейся ситуации и одобрительно кивнула Павлу: давай, дружок, крутись. Она наклонилась к сидящему рядом с ней мужчине и, кивнув в сторону сцены, стала что-то активно рассказывать собеседнику.

Наконец погас свет. Вздохнув, Павел подключил микрофон. Пошли титры, но их переводить он не стал. Когда с экрана полилась испанская речь, его пробил холодный пот. Он ничего не понимал,

только отдельные слова. Но тут же чуть не подпрыгнул от радости. Фильм сопровождался титрами на английском. Сначала юноша старательно переводил с английского, и испанская речь ему была нужна только для того чтобы привязать реплики к тому или иному персонажу. Однако минут через двадцать он с удивлением заметил, что уже не вчитывается, а вслушивается в действие на экране. Он стал понимать, что говорят герои. Их речь была богаче, чем примитивный английский дубляж. Титры стали мешать, и Павел заставил себя не обращать на них внимания, полностью сосредоточившись на живой речи.

Время перестало существовать. Он весь сосредоточился на фильме. Это было непривычное ощущение. Обычно ты сидишь и смотришь, следишь за сюжетом, сопереживаешь героям. А сейчас Павел как будто сам находился рядом с ними, жил их жизнью.

Когда зажегся свет, раздались аплодисменты. Зрители приветствовали не только спорный талант режиссера, усилия организаторов, но и его, Павла, успех. Он оглядел зал и заметил, что главный специалист по языку, Ида Георгиевна, одобрительно показала ему большой палец и, наклонившись к соседу, что-то убедительно прошептала. Мужчина не хлопал, он внимательно, как-то запоминающе смотрел на юношу.

На этот внимательный взгляд Свиридов снова наткнулся через месяц. Команда университета по самбо принимала по графику областной универсиады команду сельскохозяйственного института. Деревенские ребята, крепыши, слыли опасными соперниками.

Перед выходом на борцовский ковер спортивный мандраж давал о себе знать, и Павел почти никого и ничего не замечал. Ему надо было подтвердить свой второй разряд, а для этого надо было победить в двух схватках с равным противником. Он их выиграл, принеся команде победные очки. Теперь в полуфинале против него стоял КМС. Победить кандидата в мастера спорта и надежду сельхозинститута, когда сил осталось только на доньшке, было

нереально. Поэтому главное было не проиграть «колхознику» с позором, всухую.

Главная задача тренера была выполнена, и юношу слегка отпустило. Он сразу ощутил резкий запах пота, стоящий в спортзале, услышал азартные крики зрителей, почувствовал, как намочила его борцовская куртка. Вот тут он снова поймал знакомый внимательный взгляд того же мужчины, что сидел на киносеансе с Идой Георгиевной. Теперь незнакомец стоял рядом с их тренером, Владимиром Николаевичем, около судейского столика. Тренер что-то объяснял ему, кивая на Свиридова.

КМС был опытным и резким бойцом. Видимо, он хотел сразу сломать уставшего противника, поэтому начал схватку быстро, активно и жестко. Павел держался из последних сил. В середине схватки в результате неудачного падения у него оказался выбит из сустава большой палец на ноге. Поединок остановили. Палец набухал и чернел прямо на глазах. Врач, проведя местную «заморозку», стал предлагать юноше остановить бой.

Незнакомца так заинтересовала сложившаяся ситуация, что он подошел почти вплотную к площадке и внимательно прислушался к разговору. Павел отказался от добровольной сдачи. Теперь против опыта и силы, да еще и с раненой ногой, он мог противопоставить только хитрость и выносливость. Хромая, он вышел на середину ковра. «Колхозник» жалеть противника не собирался, ему нужно было готовиться к финалу. Сразу же из верхней стойки он хотел провести прием. Соперники вцепились в отвороты курток.

Тут Павел притворно ойкнул и сморщился от боли. КМС на мгновение остановился, и этого было достаточно, чтобы Свиридов, крутнувшись на здоровой ноге, поднырнул под него и провел бросок через спину. Прием получился мастерский и вызвал одобрительные крики зрителей. Однако финал боя был закономерным: КМС скоро подловил вконец измотанного Павла на болевой прием. Однако юноша не чувствовал себя побежденным и получил заслуженную похвалу от тренера. Незнакомец тоже посматривал на молодого

человека с одобрением: у Павла возникло ощущение, что им еще придется встретиться.

Летом, после обязательной практики в лаборатории химкомбината, Свиридов отправился комиссаром в студенческий стройотряд «Монолит», который Павел организовал вместе со своим другом по секции борьбы Сашкой Подкидышевым. Отряд уже второй год подряд действовал на базе ПМК-115 и занимался тем, что тянул телефонную связь в сельских районах области. В прошлом году они брали подряд на «воздушку», устанавливали столбы, тянули и вязали провода. В этом году им, как уже опытным связистам, достался более серьезный объект. Несмотря на то что отряд формировался на базе студентов физического факультета, командир добился, чтобы комиссаром снова стал «химик» Свиридов.

Лето пролетело быстро, закончился обязательный сорокапятидневный срок практики. Объект был сдан, и большая часть бойцов отправилась на законные каникулы. Но у ПМК «горел» один из объектов в дальнем сельском районе. Главный инженер уговорил ребят помочь. За это он пообещал им хорошие деньги и сносные бытовые условия.

Бригада из семи человек отправилась к месту дислокации. Условия были действительно сносные и очень романтические. Ребята занимали отдельную пустующую избу. Удобства были на улице, воду без кипячения пить было нельзя. В первый же вечер их попыталась «прописать» местная молодежь, так что пришлось помахать и кулаками, и штакетиной от забора. Зато на следующий день Сашка выставил местным парням пол-ящика отвратного дешевого портвейна «Агдам», и враги стали друзьями.

С тех пор Павел крепко запомнил присказку своего друга Подкидышева, что ничто так не сближает настоящих мужиков, как хорошая драка и крутая выпивка после нее. Работы было много, и завершить к началу учебного года объект не удалось. Они освободились только в начале октября.

Когда Свиридов явился на родной факультет, занятия еще не начались, но в деканате стоял аврал. Всех, кого было можно, отправили на уборку урожая в подшефный совхоз. Пропуск этой повинности карался жестче, чем пропуск занятий. Месяц отлынивания без уважительной причины от сельхозработ мог сулить даже отчисление. Павел, конечно, подстраховался и вытребовал от главного инженера ПМК письмо на имя декана с просьбой отпустить студента Свиридова на выполнение ответственных работ по телефонизации области, заверенное Первым секретарем райкома КПСС. Декан долго ругался, но пойти против письма из райкома не мог, не тот уровень. Но и просто так отменить проект приказа об отчислении не собирался.

– Сейчас Тамара Петровна распечатает распоряжение об отмене отчисления за прогулы. Подпишешь его в кадрах, профкоме, у проректора по режиму и принесешь мне, – вынес свое решение декан.

– Зачем к проректору по режиму? – удивился студент-«прогульщик».

Декан почему-то отвел глаза и, немного помявшись, ответил:

– Свиридов, ты же почти выпускной курс ... Особый учет. Короче. Сказано в Первый отдел – значит, иди в Первый отдел. Туда зря не вызывают.

– Так меня что, туда вызывают? – продолжал недоумевать юноша.

Декан понял, что сказал лишнее, и энергично махнул на него рукой:

– Иди, Свиридов, иди! У меня других забот хватает. И чтобы послезавтра с вещами в восемь утра был здесь. Будем отправлять вас, прогульщиков, на центральную усадьбу в совхоз.

Кабинет проректора располагался в главном корпусе университета, рядом с парткомом. Павел еще надеялся, что в спецчасти он долго не задержится. Получит подписи, как в отделе кадров и профкоме, выслушает краткую нотацию и – свободен. Но когда он увидел, кто сидит в кресле проректора, догадался, что

направили его сюда неспроста. Хозяином кабинета оказался тот самый мужчина, что наводил о нем справки и у завкафедрой иностранных языков, и у тренера.

– Ну здравствуй, Свиридов. Проходи, присаживайся, – пригласил его мужчина. – Пора нам с тобой познакомиться. Кое-что я о тебе знаю, меня зовут Виктор Леонидович.

Виктор Леонидович уже пять лет занимал должность проректора. До этого он служил в областном управлении Комитета госбезопасности и занимался проверкой соблюдения секретности на оборонных предприятиях, по сути контрразведывательной деятельностью. Работа в университете нравилась ему гораздо больше. Полковничья должность, статус, самостоятельный участок, да и просто – живая жизнь. На заводах ЧП случались не из-за происков иностранных шпионов, а из-за бытовухи. То воровство, то пьяные драки. Утеря секретных документов произошла один раз, и то опять же по пьяному делу. Другое дело неугомонные студенты. Их тяга к проказам и приключениям иногда рождала такие ситуации, что только диву можно даваться.

К компетенции Первого отдела, как по традиции называли его работу, относился надзор за кафедрами радиоэлектроники и акустики, где готовили специалистов для обороны. Кафедра картографии на географическом факультете – здесь хранились материалы под грифом «ДСП». Лабораторный фонд на химфаке – там можно было приготовить черт-те что. Это было хорошо ему знакомо по прежней работе. Теперь же добавилась борьба с идеологическими диверсиями, профилактика антисоветских проявлений у незрелой молодежи.

Виктор Леонидович осознавал нужность этой работы, но старался делать это без излишнего ажиотажа. Конечно, надо наказывать первокурсников, считай вчерашних школьников, за то, что на скучной лекции по истории КПСС они разрисовали портрет Брежнева и членов Политбюро в найденном за партией журнале «Огонек». Но не так же, как хотели активисты из факультетского

комитета комсомола! Исключить из ВЛКСМ означало автоматическое отчисление из университета. Строгого внушения будет достаточно.

Надо было реагировать и на случаи обнаружения в общежитии порнографических журналов, и на фарцовку ширпотребом. Студенты с Кавказа стали привозить странный табак. Поступали сигналы, что по ночам из-за тонких фанерных дверей некоторых комнат доносился «Голос Америки» и шипела «Немецкая волна». Со всем этим нужно было разбираться.

Но особо привечал Виктор Леонидович работу с кадровым резервом КГБ. У него была разрядка – каждый год рекомендовать по две кандидатуры для дальнейшей спецподготовки. На каждого необходимо было предоставить пухлый том «Личного дела».

Свиридов был одним из возможных кандидатов. По отзывам специалистов, у него отмечалась склонность к усвоению иностранных языков. Он обладал хорошей физической подготовкой, имел разряд по самбо и дзюдо, занимался общественной работой, имел высокий культурный уровень, не чурался физической работы. Бездельники и оголтелые активисты в органах точно не нужны.

Виктору Леонидовичу нравилось ездить на курсы по переподготовке. Есть возможность и с коллегами пообщаться, и что-то новое узнать. Как профессионал, он четко делил преподавателей на две категории: умники и практики. Умники предпочитали пичкать слушателей пересказами книг и собственных методичек. Конечно, важно знать типы темперамента, уметь перечислить личностные качества, которые должны быть присущи сотруднику разведки. Но практический выход из того, что сотрудник ответит на 566 вопросов, которые потом будут разложены на 16 факторов, только в том, что в «Личном деле» появятся еще пять-шесть страниц мудреного текста под названием «Психологический профиль». Интерпретацией факторов можно объяснить любой поступок испытуемого, но нельзя главное – предсказать с гарантией его поведение в той или иной ситуации.

Другое дело, когда ты создаешь для Источника реальную ситуацию. Тогда можно не только наблюдать за поведением человека, но и обучать его, то есть формировать нужные качества.

Ему запомнилась ситуация, когда на семинаре преподаватель задал, казалось бы, простой вопрос:

– Вы встречаетесь с потенциальным Источником, чтобы склонить его к сотрудничеству, то есть собираетесь его вербовать. Кто должен первым здороваться?

– Какая разница? – следует осторожный ответ вопросом на вопрос, потому что сотрудники чувствуют, что здесь есть подвох. Но пока не понимают, в чем он.

– Если вы молчите и держите паузу, то, по сути, отдаете инициативу и буквально заставляете другого вести беседу по его правилам и в том направлении, которое ему выгодно. Вам это надо?

– Хорошо. Мы первыми поздоровались, поговорили о погоде, здоровье...

– Зачем? Зачем о погоде? Чего вы этим добились?

– Ну... продолжаем удерживать инициативу.

– Так у вас задача удерживать?

– Нет. У нас задача наступать.

– Так, начинайте сразу управлять контактом. Предложите войти, пусть он даже уже вошел. Предложите сесть и обязательно укажите куда, пусть там всего один стул. Вы указали, он сделал. Тем самым вы формируете модель дальнейшего поведения и отношений. Вы задали вопрос, его задача – отвечать. Тем самым сразу показываете, что вы ведете, значит, вы – главный, и надо делать то, что вы сказали.

– Может, вы нас и гипнозу научите? – с ехидцей спросил самый молодой слушатель.

– Пожалуйста, – тут же отреагировал преподаватель. – Встаньте, пожалуйста.

Немного замешкавшись, сотрудник поднялся из-за стола.

– Гипноз – это внушение, – продолжал лектор. – Я вам внушил, чтобы вы встали. Вы не хотели, но выполнили мое внушение. Это гипноз?

– Нет, – стал горячо возражать молодой коллега. – Это я сам.

Слушатели засмеялись.

– Садитесь, – перебил его преподаватель. Оппонент пытался возразить, но преподаватель резко оборвал его: – Сядьте!

Сотрудник опустился на место.

– Вот видите. Я опять дал вам команду, и вы ее выполнили. Выводы делайте сами.

Благодаря таким занятиям, например, армейская избитая фраза «Отход – подход – фиксация» превратилась в формулу работы с людьми.

– Любая встреча с Источником, тем более вербовочный подход, должна завершаться фиксацией, – наставлял преподаватель. Пожелание, обещание и тем более согласие должны быть четко зафиксированы. Запомните: мысль должна завершаться физическим действием. Будь то расписка о согласии сотрудничать либо просто информация в виде письменного донесения.

Виктор Леонидович любил учиться, если это помогало в работе.

– Ну что, Савельев, расскажи, как комсомольский активист, спортсмен, отличник дошел до того, что стал прогуливать занятия в университете? – начал проректор, внимательно наблюдая за юношей.

– Я не отличник, – негромко возразил тот.

– Поэтому можно прогуливать? – резко сменил тон Виктор Леонидович, поймав студента на нехитрый прием.

«Держится вполне уверенно, руки не сцеплены, быстро адаптируется, смотрит прямо, не в пол, – констатировал для себя проректор. – Проверим, как ты поддаешься давлению».

– Как же так получается, пока другие исполняют свой долг на совхозных полях, живут в бараках с койками в два яруса, работают в

холоде и в грязи за копейки, ты, Свиридов, длинный рубль заколачиваешь. – «Напрягся. Руки сжал, но не сцепил, значит, будет защищаться. Надо добавить». – Где твоя комсомольская совесть, ответь мне.

– Я тоже работал. Мы там от восхода до заката связь тянули. И в дождь, и в грязь.

«В конфликтной ситуации не теряется. Реакция на психологическое давление – осознанный отпор. На эмоции не переходит, чтобы не обострять ситуацию. Пощупаем твой предел».

– А вот это, Павел, большой вопрос, где ты был. Справка из райкома-то липовая.

– Как липовая? – удивился юноша.

– А так. Как фамилия секретаря райкома, который якобы ее подписал?

Повисла пауза. Павел никак не мог вспомнить фамилию.

– Не знаешь. – Резко хлопнул по столу проректор. – Это раз. На документе нет регистрационного номера и даты выдачи. Это два. А в-третьих, я туда звонил. «Хотел позвонить, – поправился про себя проректор. – Молодец, не раскисает. Шея набычена, подался вперед, глаза не бегают. Значит, готовится к ответу, не сдастся. Суеты в движениях нет. Интересно».

– Я... там... был, – четко разделяя каждое слово, заявил юноша.

«Что это он заулыбался? Да и напряжение ушло. Значит, что-то придумал».

– Виктор Леонидович, вы читали «Как закалялась сталь» Николая Островского?

– Конечно. Даже фильм смотрел.

– Вот и мы, как корчагинцы, думали не о себе, а о людях, – начал с воодушевлением студент. – Когда мы закончили свой объект, приехали к нам главный инженер ПМК и тот самый первый секретарь, кстати Перевалов его фамилия. И говорят: «Ребята, выручайте. Есть у нас в районе отдаленная деревня, с ней нет ни связи, ни приличной дороги. Только один телефон у председателя

колхоза. Да и тот постоянно ломается. А если нет связи, то, считай, и советской власти нет. Кто заболевает – врача не вызывать. Бандиты нападут – подмога не подойдет». Представляете? – студент-«прогульщик» для вдохновения даже стал помогать себе руками.

«Хороший ход. Грамотно уводит тему», – оценил проректор.

– Мы говорим: «Нам учиться надо, пошлите других». А они нам: «Нет других. Вся надежда только на вас. Скоро дожди зарядят и – каюк. Дотяните кабель хотя бы до фельдшерского пункта, до милиции и до дома ветерана Гражданской и Отечественной войны. Спасите деревню».

«Молодец. Как вывернул. Глаза блестят, включил жестикуляцию. Прямо артист. Ладно, пусть доиграет».

– Мы рассчитывали недели за две справиться. Стали траншею под кабель копать, а там скальный грунт. Его можно только ломом или киркой.

– Постой, – попытался остудить разбушевавшуюся фантазию оперативник. – Откуда в том районе скальный грунт? Там кругом супесь и глинозем.

– Вот и мы так предполагали, а там в одном месте скала. Обойти ее нет возможности. Мы руки до кровавых мозолей стерли. Долбили с утра до вечера.

– Так надо было взрывом попробовать. Ты же можешь взрывчатку приготовить? Ты же химик.

Это была явная провокация, но студент был увлечен «лепкой» легенды.

– Вы бы видели их сельпо! Там кроме макарон и томатной пасты ничего нет.

«Значит, знаешь кое-какой рецепт», – сделал зарубку в памяти оперативник.

– А тут дожди начались. Деньги кончились с аванса, пришлось поголодать. Но кабель мы дотянули, спасли сельчан. Поэтому и

слегка задержались, товарищ проректор. Мы же комсомольцы и не могли бросить наших советских граждан на произвол судьбы.

Павел перевел дух. Он был доволен собой, он вывернулся.

«Ну что же, в трудной ситуации не теряется, быстро ориентируется, находит контраргументы. Теперь попробуем тебя, как говорится, на вшивость».

– Это, конечно, все правильно ты говоришь, Свиридов. Только прогул есть нарушение учебной дисциплины...

– Так занятия же еще не начались.

– Не перебивай меня, – жестко одернул Виктор Леонидович. – Есть служебная записка, мы должны наказать виновника. Ответь мне, кто инициатор прогулов? Ты или Подкидышев?

Повисла тяжелая пауза. Павел отвел глаза, опустил голову и сцепил руки.

– Я повторяю свой вопрос: кто зачинщик прогулов? – в голосе проректора зазвенел металл. Он буквально наседавал на проштрафившегося студента.

– Никто. Мы все так решили, – глухо заявил юноша.

«Хорошо. Он в ступоре. Надо подсказать».

Виктор Леонидович встал со своего кресла и пересел напротив.

– Пойми, Свиридов, Подкидышев командир, ты комиссар. Кто-то должен понести наказание. Александр с физфака, пишет диплом у декана факультета. А тот – близкий приятель ректора и Сашку отмажет. Влепят строгий выговор, но ему все равно по распределению идти инженером на завод. А твой декан такого веса не имеет, могут и отчислить. У тебя после защиты диплома какой выбор будет на государственной комиссии по распределению? – голос оперативника звучал ровно, успокаивающе, даже с сочувствием. – Либо учителем в школу, либо лаборантом на химкомбинат, а можно и в аспирантуру попытаться поступить. Ты бы куда хотел?

– Думал в аспирантуру попробовать поступить, – неохотно ответил Свиридов. Он понял, куда клонит собеседник. Назови он

сейчас Сашку, и считай – вывернулся, а упрешься – на три года загремишь в сельскую школу учителем химии или действительно лаборантом на химкомбинат, где половина работающих – заключенные.

– Ты только скажи кто, – задушевно продолжал проректор. – Я в докладной укажу, а ее только ректор и увидит. Так что никто из твоих пацанов ничего знать не будет. Кто, Свиридов? Просто назови фамилию.

Через несколько тяжелых минут проректор увидел, как Павел медленно расправил плечи, сел ровно и, глядя прямо в глаза, проговорил:

– Я вам уже все сказал. Решение принимали вместе. Каждый подписал договор. – Было видно, что он принял окончательное решение и от него не откажется.

– Нет так нет, – неожиданно легко согласился Виктор Леонидович. – В служебной записке напишу, что провел воспитательную беседу, ты все осознал, раскаиваешься и обещаешь исправиться. Обещаешь, Свиридов?

Проректор подписал «бегунок» – проект распоряжения, но листок Павлу не отдал.

– Теперь главное, для чего я тебя вызвал, – совершенно другим тоном произнес хозяин кабинета. Юноша опешил:

– Как главное? Значит, не из-за прогулов?

– Я представляю здесь Комитет государственной безопасности. Неужели ты правда думаешь, что мы занимаемся такой мелочью, как прогулы занятий?

– Нет, конечно... – Было видно, что молодой человек лихорадочно пытается сообразить, где он перешел дорогу государственной безопасности.

– Кстати, как ты вообще относишься к спецслужбам – КГБ, НКВД, ЧК, репрессии, тридцать седьмой год, ежовщина, бериевщина? – Взгляд оперативного работника был строг и требователен.

– Мне трудно оценивать. Это было другое время. Я могу судить только по книгам, статьям, чьим-то рассказам. А это вещи субъективные.

– Между прочим, это твои ровесники в тридцатые годы принимали решение, кого карать, кого миловать. В главном ты прав: прежде чем принять ответственное решение, надо собрать объективную информацию. Именно для этого существует Комитет. Мы не караем, мы собираем и анализируем. В этом нам помогают люди. Простые люди, такие как ты.

Взгляд проректора по режиму буквально давил юношу. Его слова как бусинки нанизывались на нитку разговора. Понятно, что он плетет какой-то свой узор, но какой? Этого Павел пока разгадать не мог. Поэтому он молчал. А молчание, как известно, означает согласие. Согласие не только со словами, но и на продолжение этой щекотливой беседы.

– Ты знаешь Анжелику Яненскую? – перешел к конкретике собеседник.

– Анжелу? – Вот уж про кого, а про эту свою однокурсницу вопроса молодой человек никак не ожидал.

– Она подала документы в ОВИР с просьбой о выдаче заграничного паспорта. Хочет посетить двоюродную тетю в далекой Австралии. Ты об этом знаешь?

– Так весь курс в курсе, – невольно скалambuрил юноша. – Если не весь факультет. Ладно я с родителями был в соцстране, в ГДР, а тут – Австралия. Океан, кенгуру, аборигены, бумеранги. Она такая болтушка!

– Отдел виз и регистрации запросил характеристику на нее.

– Да обычная девчонка. Девушка, то есть.

«Сейчас проверим, как ты умеешь оценивать людей. Одно дело – кореш Сашка Подкидышев. Здесь все ясно – своих не сдаем. Другое дело – сокурсница, да еще из параллельной группы».

– Нас интересует только один вопрос. В Австралии сильны антисоветские настроения. В случае провокации может она там

остаться или все равно вернется на родину?

– Вернется, – уверенно заявил юноша.

– Обоснуй.

– Во-первых, у нее здесь родители. Отец, мать, бабушка, дед, который в ней души не чает и выполняет все ее прихоти. Вы знаете, кто ее дед?

– Знаю, зампред Областного совета профсоюзов. Так и в Австралии тетка.

– Двоюродная. Анжела ее никогда не видела. Да и нашлась она всего год назад через Красный Крест.

– Я в курсе, что старшую сестру ее бабки немцы угнали в Европу во время оккупации и после войны ее занесло на край земли. Давай что во-вторых.

– Во-вторых, Яненская почти не знает английского, а тетка плохо помнит русский. О чем общаться без языка людям разных поколений и менталитета?

– Согласен.

– В-третьих, она девушка капризная, привыкла жить в достатке, а тетка ее миллионерша?

– Далеко нет. Живет на пенсию и небольшие накопления.

– Тем более. К тому же живет не в Сиднее, не в столице. И даже не на берегу океана. Мы смотрели по карте. Этот городишко почти рядом с пустыней. Я так думаю, ни развлечений, ни крупных магазинов в нем нет. Так что Анжелку без языка, без денег, без специальности может там привлечь?

– Логично.

«Как четко парень мотивацию девушки разложил. Умеет сразу вычленить главное, не вязнет в мелочах. Четкая аргументация, грамотный анализ поведения».

Виктор Леонидович ненадолго задумался, потом продолжил:

– Парень у нее есть?

– По-серьезному вроде бы нет. Ей же принц нужен на белом коне.

– А ты сможешь подойти к ней перед отъездом, взять за руку и, пристально глядя в глаза, сказать: «Я очень буду ждать тебя, Анжела». Чтобы у нее сердечко забилося?

Павел засмеялся:

– Нет, она не в моем вкусе.

– Даже если мы попросим?

Юноша посерьезнел и добавил:

– Хотите ее еще больше привязать? Я знаю человека, кто может это сделать.

Проректор одобрительно кивнул головой. Он явно был доволен собеседником.

– Ты сам-то, Свиридов, не хочешь съездить за границу? На зимние каникулы от университета через бюро молодежного туризма «Спутник» отправляется группа в Чехословакию. Ты же хорошо летом заработал. Не все еще потратил?

– Да я и не тратил. Только как в эту группу попасть? Там столько желающих.

– У ректората есть возможность поощрить особо отличившихся студентов, – весомо заметил оперативный работник. – Не забывай, что я все-таки проректор.

«Парень, судя по всему, оценил перспективу, значит, надо закреплять».

Виктор Леонидович придвинул к собеседнику чистый лист бумаги и ручку:

– Пиши.

Молодой человек насторожился:

– Что писать?

– В верхнем правом углу, – ровным голосом стал диктовать хозяин кабинета. – «В управление КГБ нашей области». Посередине листа – «Согласие».

Павел замер. Затем медленно выпрямился, лицо его окаменело. Он даже убрал руки со стола, как будто они сами, помимо его воли, могли написать эту расписку. Тихо, но твердо заявил:

– Я стучать на своих не буду.

– А тебя кто-нибудь об этом просил? – проректор повысил голос, но тут же перешел на спокойный тон: – Товарищ Свиридов, нам нужна ваша помощь как специалиста в области химии.

– Какая помощь? – удивился юноша. Повороты в разговоре с проректором были слишком крутые и неожиданные.

– Пока не напишете расписку о неразглашении, я не могу ничего сообщить. Поверьте мне, ничего постыдного в сотрудничестве с органами нет. Вы в любой момент можете отказаться. – Виктор Леонидович выдержал паузу и добавил: – Ты же комсомолец, Павел.

Немного подумав, юноша взял ручку и стал писать.

«Я, Свиридов Павел Анатольевич, обязуюсь оказывать помощь органам государственной безопасности, – запятая, – хранить в тайне и не разглашать полученную информацию». Дата. Подпись.

Виктор Леонидович взял листок, пробежал его глазами, положил в сейф и демонстративно громко щелкнул ключом в замке.

– Итак, Павел, – тон проректора был подчеркнуто деловой. – Ты знаешь, какие нужны компоненты и оборудование для производства взрывчатки?

– В общем, имею представление, но сам никогда не делал.

– Нас, как ты понимаешь, интересуют не хлопушки, а серьезные материалы с высоким разрушающим эффектом. Задание тебе предстоит непростое.

Собеседник сделал особый упор на слово «задание», но юноша воспринял его без видимых мимических проявлений.

– Надо проанализировать, есть ли в химической лаборатории при вашей кафедре признаки того, что кто-то изготавливает взрывчатое вещество. Что тебе для этого понадобится?

Павел задумался. Загадка была непростая. Чтобы ее решить, надо знать технологию, представлять, какое потребуется оборудование, ингредиенты. Для Виктора Леонидовича важен был не сам результат. Отчеты по этому вопросу он получал регулярно от источников с учеными степенями. Ему интересен был подход новичка. С чего

начнет, как спланирует новую деятельность, какой тип контроля ему присущ – постоянный, ситуативный либо по результату. То есть как он организует свою деятельность в условиях высокой неопределенности.

– Для начала мне надо разобраться в процессе, – через некоторое время заявил молодой человек. Судя по голосу, задача его заинтересовала. – Поэтому сначала надо проработать литературу. После этого уже можно будет оценить и объем работы, и план дальнейших действий.

– Хорошо. – Оперативный работник достал из стола небольшую брошюрку. – Вот тебе, скажем так, методическое пособие по изготовлению взрывчатых веществ из подручных материалов в домашних условиях. Мы называем его «Библия анархиста». Выносить его за пределы служебного помещения запрещено, делать копии и выписки запрещено, упоминать где-нибудь запрещено. Я запрю тебя в соседнем кабинете, через час подойду. Через два дня представишь мне свой план работы. Только не на бумаге, а в голове. Встретимся мы не здесь, а по другому адресу.

– Прямо круче, чем защита диплома, – оценил юноша.

– Так и вопрос серьезный.

– Только мне декан велел послезавтра быть с вещами для отбытия на сельхозработы, – вспомнил Павел.

– Значит, встречаемся уже завтра, – подвел итог проректор и поднялся с кресла. Все было уже сказано.

Через две недели после возвращения с сельхозработ Павел сдал свой первый отчет. Второй был о поездке Анжелы Яненской в Австралию. После поездки в ЧССР – третий. Юноше нравились встречи с Виктором Леонидовичем. Через него он как бы прикасался к таинственному и романтическому миру разведки. Они беседовали о жизни, политике, истории. Пару раз проректор заводил разговор о планах собеседника на будущее, но комментарии не давал и предложений не делал.

Свиридов успешно защитился. На государственной комиссии по распределению выпускников очередь составлялась не по алфавиту, а по успеваемости. Поэтому у отличников была возможность выбора места распределения. По спущенному в тот год плану восемьдесят процентов молодых специалистов должны были направиться учителями в школы. Было одно персональное место в аспирантуру для Яненской, и несколько человек направлялись на химкомбинат. Павел шел во второй десятке, и хотя оставались места в городских школах, ему безальтернативно выдали направление в сельскую школу в дальнем районе. Юноше очень хотелось попросить проректора повлиять на распределение, но он пересилил соблазн. Павел решил сам ковать свою судьбу.

Год в деревенской школе, как говорится, он отстоял на одной ноге. Жил на квартире у одинокой пенсионерки, вел два кружка, много читал, в каникулы навещал родителей. А в мае, когда занятия почти закончились, ему пришла повестка из военкомата. Там его ждал Виктор Леонидович и предложил поступить на службу в КГБ, пройдя предварительную подготовку. Карантин и проверки для Павла закончились. После нескольких ознакомительных бесед, медицинской комиссии и психологического тестирования решением Мандатной комиссии Свиридов Павел Анатольевич был направлен на двухгодичное обучение в Краснознаменный институт Первого Главного Управления КГБ. Проще говоря, в школу разведки.

Глава третья

В школе разведки Павел остался под своим именем, но получил учебную фамилию Савельев. Так повелось с самого образования школы, что для конспирации курсантам оставляют имя, но меняют фамилию. Но первая ее буква остается прежней. Для Павла это было как элемент игры, а для некоторых курсантов это был неприятный момент. Дети номенклатурных родителей пользовались фамилией и как охранной грамотой, и как скатертью-самобранкой, и как палочкой-выручалочкой. А теперь без папиной или дедушкиной фамилии они чувствовали себя как голые.

Первого сентября в «Лесной школе», так на жаргоне называли Краснознаменный институт КГБ СССР, начались занятия. С 1938-го по 1943-й она называлась ШОН, что значит Школа особого назначения. В 1943-м ее переименовали в Высшую разведывательную школу № 101, а с 1968 года учреждение стало называться Институт разведки КГБ СССР.

Все это слушатели узнали на первом занятии. Также их познакомили со структурой Комитета государственной безопасности. Курсантам было интересно, куда они могут попасть. Центральный аппарат состоит из девяти главных управлений и нескольких управлений. Разница между главным управлением и просто управлением – как между генерал-лейтенантом и лейтенантом.

Первое главное управление, сокращенно ПГУ, занимается внешней разведкой. В него входят четыре управления. Это управление С, занимающееся нелегальной разведкой. Управление Т, ответственное за научно-техническую разведку. Управление К, курирующее внешнюю контрразведку, и управление РТ: присмотр за иностранцами на территории Союза. В ПГУ также входили подразделения по регионам всего мира.

Второе главное управление осуществляет внутреннюю контрразведку, именно они ловят шпионов по всей стране.

Третье главное управление следит за армией, так как у военных нет своей контрразведки.

Пятое главное управление занимается идеологией, следит за так называемыми диссидентами.

Седьмое главное управление – это наружное наблюдение, слежка.

В восьмом управлении занимаются шифрами и связью с посольствами.

Девятое управление обеспечивает охрану первых лиц государства и партии.

Учеба была напряженной, порой даже тяжелой, как, например, на занятиях по иностранному языку, иногда обыденно-скучной, когда уже в который раз конспектировали работы Ленина, материалы съездов и пленумов КПСС.

Но чаще было интересно. После деревенской скуки юноша попал в живительный водоворот мужской жизни. Каждодневные утренние пробежки, тренировки в бассейне, рукопашный бой, стрельба из разных видов оружия, вождение автотранспорта заставляли чувствовать себя настоящим мужчиной.

На занятиях по оперативному искусству, по основам шифрования, связи, другим спецдисциплинам курсантов гоняли до седьмого пота. Каждодневные восьмичасовые погружения в иностранный язык сначала разламывали голову, вызывали кошмары по ночам, человек реально захлебывался от потока новых слов, выражений, правил грамматики и синтаксиса. Тут ты или обреченно тонешь, либо ощущаешь, что в тебе родился другой человек, который не только говорит на другом языке, но и по-другому думает и даже поступает. Другой язык – это ведь еще и другая культура.

Немного расслабиться можно было с обеда в субботу до утра понедельника. Москвичи отправлялись под родительское крыло, иногородние могли себе позволить заняться личными делами, но чаще всего это время тратилось на подчистку «хвостов».

Вообще ребята в группе подобрались разные. Были выпускники элитных московских вузов с хорошей языковой подготовкой, были

парни, прошедшие армию, отучившиеся в институте, уже имевшие семьи. Были, конечно, и комсомольские функционеры. Соответственно и учились они по-разному. У кого-то уже был английский почти в совершенстве, но хромала физическая подготовка. У другого, наоборот, «отлично» по борьбе и стрельбе, но язык дается с трудом.

Павел имел и хорошую спортивную форму, и способности к языкам. Конечно, их не готовили к званию «мастер спорта по рукопашному бою» или «мастер спорта по стрельбе». Но если Павел, благодаря самбо и улице, на которой он вырос, знал, как надо вести себя в драке, умел защищаться и нападать, то были отдельные личности, которые ни разу не дрались даже в детстве. Спарринги по рукопашке формировали у этих курсантов бойцовские навыки, хотя и с опозданием.

Стрельбой, шифрованием, радиоделом Павел ранее не занимался, но показатели у него были хорошие. Изучалось оружие разных стран, велась огневая подготовка. У тех, кто плохо стрелял, бытовало мнение, что у разведчика главное оружие – голова, а там, где начинается стрельба и прыжки с крыши, разведка заканчивается.

Так было до одного занятия на огневом рубеже. Проводил это занятие здоровый крепкий прапорщик. Каждый промах, выстрел в молоко, вызывал у него прямо-таки зубную боль.

– Построиться! – дал команду прапорщик после очередных не очень удачных стрельб из пистолета Стечкина по грудной мишени. – Товарищи курсанты, вы – будущие офицеры органов государственной безопасности. Это значит, что на ваших плечах не только погоны, но и ответственность за защиту граждан страны. Защита граждан от врага осуществляется не только раскрытием его коварных планов, но и способностью его уничтожить.

Инструктор по стрельбе был серьезный мужик и понимал, что эти парни – не солдаты, которые выполняют приказ командира и для которых ответственность лежит на их командире. Эти ребята должны

будут сами принимать решение и нести за него ответственность. До них надо было донести эту мысль так, чтобы она дошла до печенок.

– Наш взвод в шестьдесят восьмом году по тревоге перебросили в Чехословакию, в один небольшой городок, для охраны завода по производству вооружения. Рабочих на заводе не было, и мы его просто охраняли. Местное население сначала относилось к нам с опаской, но потом, видя, что у нас приказ силу не применять и не использовать оружие даже для самообороны, осмелело. Особенно молодежь. В нас бросали камни, могли даже плюнуть в лицо. По ночам, когда действовал комендантский час, улицы патрулировали наши бойцы. Так на них подростки на машинах и мотоциклах устраивали целую охоту. Могли сбить машиной, а мотоциклисты, вооруженные палками, на ходу старались изувечить наших солдат. А у нас приказ. Я тогда был еще сержантом, и как-то мы с товарищем зашли попить пива в местный ресторанчик. Там моего друга и подрезали. Мы, конечно, отбились, но получили взыскание от командира за то, что якобы спровоцировали местное население.

Все стены в городке были исписаны оскорбительными надписями о Советском Союзе. Две водонапорные колонки рядом с Домом культуры, где мы располагались, оказались сломанными, у нас начались перебои с водой. Местный бургомистр делал вид, что нас не понимает, и помогать демонстративно отказывался. Каждый день раненых и избитых с нашей стороны становилось все больше. Приказ не применять силу и оружие приводил нас в уныние. Вопрос стоял уже не о защите социалистических идеалов в Чехословакии, а о выживании наших людей. Как-то вечером меня и еще одного сержанта командир вызвал на совет, как нам быть дальше. В городке слышался рев автомобильных и мотоциклетных моторов. Началась охота на наших солдат в патрулях. А они, по сути, просто восемнадцати-двадцатилетние пацаны...

Строй курсантов стоял молча. Каждый примерял ситуацию на себя, и это вызывало довольно тягостное впечатление. Прапорщик медленно ходил перед строем, даже не глядя в глаза слушателей.

– Поздно ночью возник пожар в оружейной комнате. Мы его быстро потушили, но вынуждены были составить акт о приходе в негодность двух автоматов, ящика с патронами и сумки с гранатами. Утром я с другим сержантом повез на мотоцикле это списанное имущество в штаб. Но на мосту мы не справились с управлением, мотоцикл слетел в реку. Его мы достать смогли, а списанное оружие и боеприпасы утонули. Глубоко было, да и течение быстрое. К обеду приехала комиссия из штаба. Как водится, выдали нам по первое число. Замполит, после того как мы рассказали, что находимся практически в осаде, еще раз напомнил про приказ не трогать местное население. Только особист опросил нас об инциденте и с подозрительной ухмылкой подписал акт списания. Этой же ночью машина с местными, которая попыталась впечатать в стену наших солдат из патруля, была изрешечена очередями из двух автоматов. На следующую ночь еще три мотоциклиста с седоками были расстреляны в упор.

После этого во время комендантского часа неизвестные открывали огонь на поражение без предупреждения по любому, кто высовывал нос на улицу. Ночью в домах бургомистра и его заместителя взорвались гранаты. Никого не убило, но было неприятно. Наше штатное оружие и боеприпасы все время находились под охраной. На следующий день водопроводчики быстро починили колонки с водой, а местное население со щетками и тряпками бургомистр выгнал на улицу: стирать надписи со стен домов. Теперь любое указание нашего командира исполнялось незамедлительно. Продавцы и буфетчики радостно улыбались, едва завидев наших военнослужащих. – Прапорщик остановился напротив правофлангового: – Какой вывод вы можете сделать из сказанного, товарищ курсант?

– Как писал товарищ Ленин: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться», – четко отрапортовал слушатель.

– Молодец, – оценил прапорщик.

Следующим стоял Павел.

– А вы, товарищ Савельев, какой вывод сделали для себя?

– У государства, находящегося в окружении стран-противников, должны быть силовые структуры. И в них должны быть обученные бойцы, умеющие защищаться, а значит, и убивать врагов.

Инструктор пристально посмотрел на Павла, тот глаза не отвел.

– Откровенно, но в точку.

Прапорщик подошел к одному из выпускников МГИМО, прекрасно знающему английский и французский языки, но имеющему неудовлетворительные оценки по стрельбе.

– Вот вы, курсант, сможете выстрелить в человека, в женщину или ребенка?

Молодой человек опешил:

– Не знаю, товарищ прапорщик.

– На огневой рубеж шагом марш!

Инструктор положил перед ним пистолет и магазин с тремя патронами:

– Заряжай.

Курсант вставил магазин в рукоятку пистолета и дослал патрон в патронник.

– Перед вами противник. Это юноша, подросток пятнадцати лет. Огонь.

Молодой человек поднял руку и долго целился. Рука затряслась и опустилась.

– Не могу.

На стрелка было жалко смотреть. Он чуть не плакал.

– Посмотрите на своих товарищей, – продолжил прапорщик. – Они сидят в грузовой машине и не видят, что к ним подкрадывается подросток с РПГ. Это видите только вы. Если вы сейчас его не застрелите, они все погибнут. Огонь. Раз.

Курсант вскинул руку и выстрелил.

– Два.

Хлопнул второй выстрел.

– Три.

Выстрел. Все замерли.

Когда тросик притащил мишень, слушатели невольно выдохнули с облегчением и заулыбались. Одна пуля ушла в «молоко», вторая застряла в «грудной клетке», а третья впечаталась в «голову» мишени.

«Значит, еще поживем», – пришла невольная мысль.

Этот урок Фауст запомнил на всю жизнь. Он, да и все остальные, наверняка только теперь осознали, к чему их готовят.

Глава четвертая

Савельеву, несмотря на большие физические и психологические нагрузки, нравилось учиться в школе. В разговорах с товарищами все чаще вставал вопрос о будущем распределении.

Подкрался последний экзамен перед отпуском. С одной стороны, хотелось отдохнуть, повидать родных. Но с другой – Павел понимал, что второй год пролетит так же быстро, как и первый. Есть, конечно, курсанты, которые точно знают, куда они попадут. Если его дедушка перед заграникомандировкой получал инструктаж еще от самого Бериин, а отец годами сидел «под корягой» в посольствах, то и для него забронировано хорошее место. Либо папа трудится в партаппарате, значит, пусть не заграник, но теплое место в значительно разросшемся центральном штабе найдется.

У остальных будущее было туманным. Правда, иногда туман рассеивался и виднелись очертания то Жмеринки, то Кустаная, где тоже надо было заниматься профилактикой антисоветской и антигосударственной деятельности среди селян и сайгаков. Все как в старом бородатом анекдоте. «Может сын генерала тоже стать генералом? Может. А маршалом? Нет, потому что у маршала свой сын».

Значит, надо торопиться показать себя. Павел точно знал, что за каждым из них постоянно наблюдают, где-то в папочке копятся отчеты и характеристики, кадровики делают свои выводы. Экзамен-собеседование по результатам года – это шанс. Вопрос не в том, чтобы правильно ответить и проскочить. На нем будут присутствовать представители руководства разведки и контрразведки. Значит, надо сделать так, чтобы они заинтересовались. Но как?

Все курсанты – как яйца в инкубаторе: все в темных костюмах, в белых рубашках, галстуках. Все обучались на одних и тех же занятиях. Экстравагантность, мягко говоря, не приветствовалась.

Даже бородка допускалась только на комсомольских значках у латунного Ленина.

Была у Павла домашняя заготовка. Весь вопрос, будет ли возможность ее использовать.

В экзаменационной комиссии сидели знакомые преподаватели, но присутствовали и незнакомые персоны. Именно перед ними лежали «личные дела» курсантов.

На вопросы об основах оперативной работы Павел отвечал как учили. Ну а как же еще? Он ждал вопросов от незнакомцев, присутствовавших на экзамене. Они не могли их не задать, пусть даже формально.

– Какие языки изучаете? – бесстрастно спросил уже порядком утомившийся незнакомец, мельком взглянув на Павла и быстро пролистав его худенькое «личное дело». По тому, как перед ним тянулись руководители школы, было понятно, что этот лысоватый кражистый мужчина главный в комиссии. Вместе с ним принимал курсантов человек с острым, пытливым взглядом, неброской, незапоминающейся внешностью. Он почти не смотрел в «личные дела», но внимательно слушал и любил задавать вопросы.

– Английский, немецкий. Факультативно испанский. И на спор – народный венгерский.

«Ай-стоппер» – броский, интригующий посыл, используемый для привлечения внимания. Его основная задача – вызвать любопытство, поразить, выделить из общего ряда, приковать внимание и обеспечить тем самым интерес и запоминаемость объекта. В переводе с английского «то, что останавливает глаз».

– Это как? – попался на приманку тот, что помоложе.

– Венгерский язык относится, как вы знаете, к одной из самых сложных в изучении финноугорской группе языков. Мы с ребятами поспорили, что я за день выучу народную песню про черного барана.

– На что поспорили? – заулыбался незнакомец.

– Хотелось бы на пиво, – притворно вздохнул Павел. Секретарь парткома тут же напрягся. Запахло нарушением режима. – Но в итоге согласились на килограмм молочных сосисок из буфета.

– Ну и как?

– Вечером мы с соседом по комнате уже уплетали жареные сосиски с острым кетчупом и свежим черным хлебом.

– Да за такой приз я и сам бы сейчас спел, – оторвал глаза от бумаг тот, что постарше.

– Товарищ полковник, обед нас уже ждет. Столы накрыты, – услужливо встрял партийный чиновник, по положению обязанный присутствовать на экзаменах, собраниях, субботниках и встречах с ветеранами.

– Да подождите вы, – отмахнулся от него старший. Его напарник снова обратился к заинтересовавшему его курсанту:

– Сейчас спеть ее сможете?

Павел откашлялся, легко поднялся из-за стола и, притоптывая и прихлопывая, затянул венгерскую народную песню про черного барана и волка.

После исполнения «молодой» поинтересовался:

– Мы же просили только спеть, а вы еще и плясать стали. Зачем?

– Отвлекающий маневр. На него можно списать огрехи в языке... запыхался, сбился, мол. Если вы носитель языка, то можете придаться к произношению и нечеткости некоторых слов, тогда не видать мне сосисок.

Экзаменаторы рассмеялись. «Молодой» продолжал допытываться:

– С песней понятно. А в реальных условиях что вы будете делать с недочетами языка, пока не адаптируетесь?

– Их можно маскировать приступами кашля, заиканием. Я планирую сначала попробовать с жевательной резинкой. Жевание объясняет нечеткость произношения.

– Грамотно, – согласился вопрошавший и посмотрел на старшего. – Понимаете, молодой человек, самая большая неприятность для нелегального разведчика – попасть на носителя

языка. Вы выдаете себя за венгра где-нибудь в Бразилии, где их днем с огнем не сыщешь, соглашаетесь исполнить для друзей песню своей, так сказать, родины. И вдруг возникает тип, который заявляет, что он тоже венгр. То есть он может вас раскрыть. Как быть? Быстро.

– Кинусь к нему, предложу выпить за родину и буду настаивать спеть с ним хором. Когда человек сам поет, он хуже слышит другого. А здесь можно просто подпевать ему. Но смыться надо как можно быстрее и в этот бар больше не ходить.

– Сам додумался или подсказал кто? – лысоватый явно был доволен ответом.

– У нас было спецзанятие, как привлекать внимание, как отвлекать внимание, а следом была лекция по социальной психологии. Нам рассказывали в том числе и об «эффекте Зейгарник».

– Это кто такой? – встревожился секретарь парткома. – Он хоть на марксистских позициях, этот психолог?

– Товарищ секретарь партийного комитета, Блюма Вульфовна Зейгарник – это советский ученый. Психолог из Ленинграда.

– Блюма Вульфовна да еще и Зейгарник – советский психолог? – с сомнением покачал головой партиец.

– Продолжайте, коллега, – предложил «молодой».

– Суть «эффекта Зейгарник» в том, что незавершенные действия или непонятные, необъясненные запоминаются в два раза сильнее, чем обычные, понятные. Вывод – все мои поступки и действия должны быть...

– ...грамотно залегендированы, – продолжил за него старший. – Почему вы выбрали факультативно испанский?

– В Европе, Северной Америке испаноговорящих не так уж и много. Да и с английским-немецким легче учиться французский язык. Кроме того, в Европу и Северную Америку и без меня много желающих. Зато испанский – это целая Латинская Америка, часть Африки. От испанского легче переходить к португальскому, а это уже остальная Африка.

– Согласен. – «Лысый», как бы подводя итог встрече, закрыл «личное дело» и поинтересовался: – Скажите, Савельев, не было у вас мысли заняться французским языком? – Он с ностальгическим взглядом распушил указательным пальцем свои шикарные усы.

– Возникали, конечно. Но после 1812 года мы с французами вроде бы не особо конфликтовали. Были даже союзниками. Франция в свое время отказалась от членства в НАТО. Мне кажется, что разведка в большей степени нужна там, где неспокойно.

– Тогда расскажите, что вы знаете об интервенции против Советской России во время Гражданской войны, – посерьезнел руководитель комиссии.

– Во время Гражданской войны, в начале 1918 года, румынские войска оккупировали Бессарабию, – уверенно начал курсант. – Затем английские и американские десанты высадились на севере. Это Мурманск и Архангельск. К концу года Франция контролировала Крым. Это Севастополь и Одесса. Ну и, конечно, Япония на Дальнем Востоке. Это крупные военные силы. Номинально присутствовали небольшие миссии от Италии, Греции, Канады, Австралии.

– Хорошо. Кто из них захватил наибольшую площадь нашей страны?

– Затрудняюсь ответить. – Павел никак не мог понять, куда клонит руководитель комиссии. Не мог же он просто так задавать вопросы по истории!

– Наибольшую часть России, от Пензы до Владивостока, молодой человек, захватил так называемый чехословацкий корпус. С 1917 года чехословацкие легионеры входили в состав вооруженных сил Франции. Во всех частях корпуса вводился французский военный дисциплинарный устав. Так что влияние Франции на судьбу России всегда было велико. Это ли не поле для разведчика? Учтите, в том, что они конфликтовали с НАТО и поддерживали дружеские отношения с Советским Союзом, немалая заслуга нашей разведки. Поверьте мне, я знаю, что говорю.

На этих словах кончики его шикарных усов задиристо поднялись вверх.

– Скажите, товарищ полковник! – Павел решил, что по возрасту и должности «лысый» не может быть ниже этого звания, а выше – должность не та. – Есть языки, которые неинтересны для разведки?

– Конечно есть, – встрял секретарь парткома. – Это языки братских народов Советского Союза. Потому что, как учит нас ленинское учение...

– Мы вас поняли, коллега, – перебил его «лысый», опять повернулся к курсанту и с улыбкой добавил: – Нам неинтересны только древнегреческий, арамейский, язык инков, коптский и санскрит.

Члены комиссии рассмеялись.

– На что будете делать упор в следующий учебный год, товарищ курсант? – перехватил эстафету вопросов «молодой».

– На изучение песен.

От неожиданности секретарь парткома даже крикнул.

– Почему именно на песнях, а не на стрельбе или прыжках с парашютом? – улыбнулся «молодой».

– Этому меня и так научат. Совместное распевание песен с коллегами и приятелями в стране пребывания, как любая деятельность, способствует укреплению доброжелательных отношений. Это нас объединяет. Кроме того, мы неосознанно вынуждены подстраиваться друг под друга не только голосами, но и чувствами. К сожалению, в нашем языковом обучении этого раздела нет.

– Знаете, молодой человек, а вы правы. – В глазах полковника мелькнули чертики. – Мне как-то пришлось работать с одним немцем. Я никак не мог побороть его недоверие и напряженность, но когда сказал, что в молодости мы любили распевать «Die Fahne hoch» и мы с ним пропели пару-тройку куплетов, лед растаял. Он мне признался, что его отец часто напевал этот марш.

– Так это же фашистский марш, – удивился Павел.

«Лысый» посерьезнел и добавил внушительно:

– Нашей службе приходится работать с разными людьми. Ну что, товарищи, отпускаем курсанта?

Члены комиссии поддержали это предложение. Когда за Павлом закрылась дверь, «лысый» поинтересовался:

– Сергей Николаевич, вижу, этот курсант вас заинтересовал. Будете его смотреть?

– Да. Показатели лингвистические и психологические у него хорошие. Коллеги рекомендовали обратить на него внимание, да и впечатление он произвел неплохое. Пока остальные поедут на каникулы, мы возьмем его на стажировку, посмотрим в «поле». А как будет дальше, сможем потом решить. Да и имя для нас подходящее.

– Что вы имеете ввиду? – полковник заинтересованно приподнял лохматую бровь.

– Так он же Павел. Как Фитин и Судоплатов.

– А, вот вы о чем! – Старший заулыбался. – Тогда не забудьте про третьего Павла в их команде. Павел Матвеевич Журавлев был одним из главных консультантов начальника разведки перед войной.

– Так ведь и Берия был Павловичем, – влез в разговор парторг, но тут же замолчал, поняв, что сказал что-то не то.

Все члены комиссии одновременно оторвались от бумаг и молча посмотрели на него. Так смотрят на заболевшего знакомого, прежде чем посочувствовать ему. Разрядил обстановку полковник:

– Служба у нас, коллеги, опасная, сложная не только при жизни, но и после нее. Однако слов из песни не выкинешь. Так что берите, Сергей Николаевич, нового Павла под свое крыло. Надеюсь, он не подведет своих предшественников.

Глава пятая

Все-таки ему дали неделю отпуска, чтобы повидаться с родственниками. Судьба разведчика непредсказуема, когда еще представится такая возможность? По возвращении в Москву Савельева встретили на вокзале и отвезли на конспиративную квартиру. Там его ждал Сергей Николаевич.

– Ну что, Павел, жить ты будешь пока здесь. План работы у нас будет такой. Тебе надо отправиться в один хороший городок, где ты никогда не был. Там координировать твои действия будет региональный куратор. Твоя учебная задача – изучить город, определить места для конспиративных встреч, места закладок для обмена оперативной информацией, точки для «моменталок», подобрать условия для закладки тайников крупного формата с учетом длительного хранения. И, соответственно, произвести эти вложения. Это раз.

Второе. Учебно-боевая задача. По просьбе наших региональных коллег необходимо будет войти в контакт с одним человеком. Установить с ним доверительные отношения и получить нужную нам информацию. На всю командировку отводится неделя. На предварительную подготовку три недели. По результатам будет принято решение – либо ты возвращаешься в Школу и продолжаешь учебу с дальнейшей перспективой работы в легальной разведке, либо продолжаешь подготовку у нас стажером.

– Все-таки «к нам» – это куда? Уточните, Сергей Николаевич. – Задал давно мучивший его вопрос Павел.

– К нам, это ПГУ, управление «С», нелегальная разведка. Еще вопросы есть?

– Есть.

– Очень хорошо. Тогда сегодня отдыхай, осваивайся, продукты в холодильнике. А завтра в 8.00 от метро «Новые Черемушки» отправляется автобус «Икарус» с номером 00–65 ММК. Войдешь,

предъявишь временный пропуск. Тебя довезут прямо в «лес». На сегодня все. Завтра явишься с утра в корпус Б кабинет 414. Там тебя будет ждать твой наставник Вячеслав Владимирович.

Первый день работы в нелегальной разведке начался не с ознакомительной экскурсии и знакомства с коллегами, как предполагал Павел, а с того, что его наставник попросил подробно рассказать о себе. За все время рассказа он иногда задавал уточняющие вопросы, что-то отмечал в блокноте. Было видно, что с биографией стажера он знаком хорошо.

– Какой позывной или псевдоним ты себе подобрал? – поинтересовался Вячеслав Владимирович, когда его первое любопытство по биографии новичка было удовлетворено.

– Какие существуют требования к выбору?

– Совсем простые. Это должно быть одно слово, не наводящее на расшифровку сотрудника или агента. Может быть существительное, прилагательное, даже глагол.

– Или числительное, – поддержал Павел с усмешкой. – Например 007, как у Джеймса Бонда.

– Не надо путать позывной и учетный код. Позывной Гром может быть у нескольких человек, уж очень он распространен. Но учетный код у каждого свой индивидуальный. Первые агенты иностранного отдела ВЧК получали очень простой учетный номер. Первая буква – это принадлежность к резидентуре. Вторая и третья цифры – это код вербовщика. Соответственно, добавление четвертой цифры и есть его персональный учетный код. Если они сами привлекали к сотрудничеству других агентов, то добавлялись следующие в ряд, по очереди. Понятно?

– Конечно. Как в паспорте. Есть фамилия и есть номер паспорта.

– Молодец. Так какой позывной ты хочешь себе взять?

– Фауст, – с гордостью выдал стажер.

– Даже так? И откуда ноги растут у данной фантазии? Из доктора Фауста Гете или от немецкого ручного гранатомета «фаустпатрон»?

– Честно говоря, еще не решил. Название звучное, запоминающееся, имеет транскрипцию как в русском, так и в латинском алфавите.

– А ты знаешь, что псевдоним сильно влияет на судьбу своего носителя? Это называется рок судьбы. Как правильно писали в одной хорошей книжке: «Как корабль назовете, так он и поплывет». Тебе что ближе – метания доктора Фауста, который продал душу дьяволу, или судьба одноразового гранатомета?

– Мне ближе другой перевод с немецкого, ведь Faust – это еще и «кулак».

– «Кулак» в значении «часть руки» или ты симпатизируешь социальному классу зажиточных крестьян, в просторечье «кулаков»? – с улыбкой поинтересовался наставник.

– Вот видите, Вячеслав Владимирович, как много ассоциаций вызывает мой псевдоним. Может быть много вариантов.

– Да уж. Если ты не станешь одноразовым, то метания и совращение со стороны зарубежных коллег-«мефистофелей» тебе гарантированы. Ты к этому готов?

– Не знаю.

Куратор встал из-за стола и, заложив руки за спину, с задумчивым видом стал прохаживаться по небольшому кабинету.

– Это хорошо, что ты раздумываешь над вопросом, а не отвечаешь на эмоциях. Ведь, по сути, что ты знаешь о нелегальной разведке? Нелегал – это один в поле воин. И если ты ошибешься, привлечешь внимание, на тебя набросятся десятки подготовленных спецов. Они могут сделать с тобой все что угодно, ведь тебя нет. У нас были случаи, когда человек пропадал бесследно, и только через длительное время мы узнавали, через какие муки ему пришлось пройти. Официально мы тебя не признаем. Таково правило. Плохо это или хорошо, не обсуждается. Неофициально, конечно, мы тебя будем искать и выручать. В этом можешь не сомневаться. На выяснение твоей судьбы пойдут люди, готовые рисковать собой. Потому что идти по следу проваленного агента – это на девяносто

процентов идти в приготовленную засаду. До крайностей, конечно, доходит нечасто. На той стороне хорошо знают: ответ будет обязательно. Если во время задержания нашего сотрудника ему подобьют правый глаз, то в течение короткого времени их сотрудник, пусть и в другой стране, но при схожих обстоятельствах тоже будет иметь бланш под правым глазом. Применили меры физического воздействия, значит, в сибирских лагерях мы тоже закрутим гайки для их людей. Поэтому либо дают уйти, либо выдворяют, либо обменивают. Примеров много.

– В Школе нам рассказывали. Но можно же и не попасться?

– Нужно. И таких гораздо больше – тех, кто спокойно отработал «на холоде», так на жаргоне называется наша работа за границей, тихо вернулся и продолжает служить родине. В этом и разница. В Школе вас готовят те, кто провалился, здесь тебя будут готовить те, кто успешно вернулся. Разница понятна?

Павел утвердительно кивнул.

– Вячеслав Владимирович, все же разрешите уточнить. Кто такой нелегал, понятно. Но каковы его задачи? Он затаился, врос в среду и его задействуют только в особый период или все-таки он ведет активную разведывательную работу, вербует, имеет на связи агентов? Помогите разобраться.

Старший коллега на какое-то время задумался.

– Понимаешь, Павел, в разведке, особенно в нелегальной, нет устава в том виде, как он существует в армии. Там это мотострелок, танкист, радист, поэтому они должны действовать так-то и так-то. Конечно, мы отправляем сотрудника с конкретным заданием. Но у каждого свой уровень компетенции. Мы ставим стратегическую задачу, например найти Источник в одном очень интересном для нас институте. Самому нелегалу туда устроиться на работу невозможно, там очень сильная служба безопасности и можно засветиться. Поэтому он устраивается в контору, которая сотрудничает с этим институтом. Поставляет туда какие-то материалы или оказывает услуги. Через некоторое время завязываются контакты, собирается

материал на сотрудников, их сильные и слабые стороны. На основании собранных материалов подключается вербовщик, который проводит мероприятия по привлечению кандидата к работе. Если нелегал обосновывает, что он сам может и должен провести вербовочное мероприятие, мы его только поддержим.

– То есть нелегал может быть просто наводчиком, а может стать и вербовщиком. Так?

– Именно. Все зависит от сотрудника. Потому что может быть и так, что он докладывает, что возможности провести работу по данному институту отсутствуют. Соответственно и дальнейшее использование кадров будет идти по разным сценариям. Один может стать матерым резидентом, другой найдет себя в активном сборе информации и подготовке оперативных мероприятий, а третий будет использоваться только как почтовый ящик. Что тоже немаловажно. Понятно?

– От каждого по способностям. Значит, все зависит от меня, – сделал вывод стажер.

– А как иначе? Теперь вернемся к твоему заданию. Жить ты будешь на конспиративной квартире. Приводить туда кого-либо, давать адрес категорически запрещено. Утром приезжаешь на автобусе. В 18.15 он возвращается обратно. Но без тебя. Ты находишься на военном положении, и твой рабочий день будет заканчиваться в 21.00. Столовая у нас работает круглосуточно. Обратно тебя отвезет служебный автомобиль. Здесь есть бассейн. Ты будешь в обязательном порядке ходить три раза в неделю в спортзал на рукопашный бой. Там классный тренер. Он считает, что каждый сотрудник силового ведомства должен обладать хорошей боевой подготовкой. В военное время сотрудники КГБ пойдут либо агентами, либо будут ловить чужих агентов. И не просто ловить, а задерживать. Задержание подготовленного диверсанта, как ты понимаешь, требует не только разряда по шахматам. Тренер не любит новомодного карате, предпочитает ударную технику. Я думаю,

ты с ним не прогадаешь. Ты уже включен в группу, сегодня в 18.00 он тебя ждет. Не вижу реакции, стажер.

Павел с улыбкой соскочил со стула, вытянулся во фронт и гаркнул:

– Слушаюсь, товарищ...

– ...майор, – подсказал старший коллега. – Присаживайся. На подготовку нам отведено три недели. За это время ты должен будешь изучить город по картам, схемам, справочникам. Особое внимание транспортным развязкам, достопримечательностям. Знать улицы, места нахождения режимных объектов, где тебе желательно не светиться, коммуникации. По приезде все это надо будет пройти ножками и привязать к местности. Так. В библиотеке изучишь областную периодику, чтобы знать, чем живет местное население.

– За какой период брать?

– Ты сам как думаешь?

– Думаю, месяца за два. Более ранние события забылись. А если были какие-то резонансные случаи, то о них наверняка будут так и так упоминать.

– Согласен. Далее. Изучишь материалы, которые у нас есть по Асмолову Юрию Григорьевичу, преподавателю кафедры обществоведения индустриально-строительного техникума. Кандидат наук, имеет публикации, женат, двое детей. Младший болен тяжелой формой диабета. Надо будет установить с ним контакт. Окончательное задание по нему сформулируют местные товарищи. Телефон регионального куратора, адрес явки получишь перед отъездом. Это понятно?

– Так точно, – уже без игры в голосе, серьезно кивнул Павел.

– И, конечно, продумаешь свою легенду пребывания в городе. Необходимые документы по прикрытию мы тебе подготовим. Повторяю, на все про все у нас, Фауст, три недели. Сегодня к 21.00 представь мне график и план работы. Понятно?

– Разрешите к 9.00 завтра. Хочу переспать с мыслями.

– Хорошо. Согласен. Тогда к 10.00. Все. Удачи тебе, стажер.

Это была уже не учеба, а конкретная тяжелая работа. У Павла реально не было даже щелочки свободного времени. Каждый вечер он отчитывался Вячеславу Владимировичу о проделанной работе. Казалось, что наставник весь состоит из вопросов. Он гонял Фауста по плану города, по легенде, по технике связи, по требованиям к закладке материалов, по списку публикаций Асмолова и много чему еще. Вопросы повторялись, имели ловушки, даже провоцировали.

Каждый день Павел получал консультации специалистов по технике проведения допроса, об особенностях воздействия на организм и психику различных препаратов, особенностях устройства паспортной системы в стране, по специфике работы органов внутренних дел.

Бассейн давал отдых, а спарринги в спортзале психологическую разрядку. Стажер уставал так, что почти сразу же засыпал еще в дежурной машине. Так что столицу он почти не видел, о «почитать книжку», как любил раньше, можно было только мечтать.

Для отработки легенды Фауст несколько раз выезжал в «родной» вуз, знакомился с преподавателями, консультировался по материалам «своей» кандидатской диссертации. Запоминал расположение кафедр, побывал в библиотеке, даже успел подружиться с молоденькой секретаршей в деканате. Вдруг придется звонить или о чем-то просить, так коробка конфет поможет быстрее напомнить о привлекательном аспиранте.

Чем больше Павел общался с сотрудниками Комитета, тем больше хотел быть равным им. Ему нравилось, как четко, по-деловому они натаскивали его по той или иной теме, не кичились, делились своими знаниями и опытом. Он тоже хотел стать профессионалом. Конечно, даже наверняка, на службе есть и карьеристы, недалекие люди, возможно, порочные, но они обитали ближе к административным, партийным кабинетам. Оперативная работа такого не терпела. Она требовала от человека конкретного результата по четко поставленной задаче, а не доклада о достижениях.

Глава шестая

Боб Барлоу, дядя Томаса, считался ветераном ЦРУ. За долгий срок службы, согласно неписаному правилу Конторы о регулярной ротации сотрудников, он успел поработать по разным направлениям. Знал многих людей, побывал в различных переделках. Сейчас он руководил подразделением, отслеживающим потоки наркотиков в Латинской Америке. Им приходилось тесно сотрудничать с ФБР и часто встречаться с начальником Центра контрразведки.

По Конституции США Бюро не имело права в своих расследованиях заниматься разведкой за пределами штатов, а ЦРУ, наоборот, не могло работать внутри своей страны. Так же как кошки и собаки, по природе своей обреченные на вечную вражду, легко уживаются во дворе своего хозяина, контрразведка ЦРУ сотрудничала в отдельных вопросах с ФБР. Касалось это и отдела по отслеживанию наркотрафика. Спецы прекрасно знали, какие деньги крутятся в этом деле и какой соблазн они вызывают. Пока за Барлоу не числилось крупных грехов, он пользовался доверием лично Дэвида Бли, нынешнего хозяина кабинета начальника Центра контрразведки.

После очередного совещания у Бли Барлоу подождал, пока участники сходки быстро направились на выход, и обратился к шефу:

– Дэвид, можешь найти для меня минут десять?

До совместного ланча с начальником русского отдела оставалось полчаса, и Бли, согласно кивнув, указал на ближайший стул:

– Слушаю тебя, Боб.

Не тратя время на вступление, собеседник сразу же перешел к изложению просьбы:

– У меня есть племянник. Хороший мальчик. Спокойный, серьезный. Он сейчас оканчивает университет. Его мать, моя младшая сестра, одна воспитывает троих детей. Я, конечно, им

помогаю. Поэтому мне небезразлична их судьба. Я бы хотел, чтобы мальчик поступил на службу в нашу контору. У него есть для этого все качества.

Шеф побарабанил пальцами по столу. Начало разговора ему не очень нравилось.

– Ты же знаешь порядок, Боб. Парень должен подать документы, обследоваться у этих чертовых эскулапов – медиков, сдать тесты, пройти полиграф. И только тогда, если ни у кого не будет возражений, его отправят на учебу на Ферму. Боб, я не начальник курсов и вряд ли могу повлиять на него. Кстати, на кого он учится в университете?

– Биологический факультет.

– Не самый лучший выбор. Все-таки наши, по старинке, отдают предпочтение юристам.

– Мальчик уже несколько лет занимается русским языком, и у него хорошие успехи.

– Да? – шеф оживился.

Девид Бли достаточно долго возглавлял русский отдел в ЦРУ, и все, что было связано с этой темой, вызывало у него искренний интерес. Кроме того, он догадывался, что этот хитрый и расчетливый оперативник не пришел бы к нему с банальной просьбой пристроить племяшку.

– Продолжай удивлять меня, Боб.

– Чтобы развеять сомнения и ваши, и мои, мне бы хотелось посмотреть его в деле.

Шеф контрразведки уже заинтересованно подался вперед. Боб продолжил:

– По учебному плану в университете у Томаса скоро должна быть большая практика. Можем мы помочь ему пройти ее в России, по научному обмену?

– Ты хочешь, чтобы парень смотался в Москву, закадрил красивых девчонок на местном биофаке, потаскался с ними по ночным клубам, поскучал на занудных лекциях про всяких там бабочек и

жуков. И все это за наши деньги. Потом он возвращается и сдает нам все адреса значных мест русской столицы. Так?

– Не совсем. Он орнитолог, занимается воспроизводством популяции белого орлана. Ты в курсе, что белый орлан исчезающий вид?

– Иди ты, – удивился собеседник. – Символ Америки вымирает? И твой парень занимается спасением того, кто изображен на нашем гербе?

– Да. Орлан – вольная птица. Он не курица, чьи яйца можно выращивать в инкубаторе миллионами.

– Хорошая интрига, Боб. Я заинтересовался. Продолжай.

– Методики спасения у нас нет. Но она есть у русских.

– Вот коммунаки, везде успевают.

– Они сейчас отрабатывают методику спасения диких птиц, занесенных в Красную книгу, на примере степных дроф.

– Дрофы, дрофы... Это такие большие куры. Они, кажется, даже плохо летают.

– Именно поэтому на них охотятся все подряд. Кстати, дрофа была изображена на гербе у французов, но они их всех истребили.

– Лучше бы они на герб затащили своих лягушек. – Политкорректность не была в чести у сотрудников ЦРУ.

– Верное замечание, шеф. Так вот, в СССР этим занимаются в двух местах. В Крыму, в аксайских степях.

– Это для нас не очень интересно.

– Зато главный научный центр находится на биофаке госуниверситета в городе Саратове, – продолжил дядя.

– Ты сказал Саратов? – От возбуждения Бли вскочил с кресла и стал расхаживать вдоль стола. – Город, который входит в десятку самых интересных для нас городов Союза. Там сосредоточена куча важных объектов, к которым мы очень хотели бы подобраться. Но это же закрытый город! Туда не пускают иностранцев.

– Шеф, речь идет о спасении символа страны. Мы все, патриоты Америки, должны найти способ убедить русских...

– Да, да. В таком деле можно даже подключить Госдеп. Главное, что других мест-то нет. Чертовски заманчиво и, главное, вовремя. Накануне, буквально неделю назад, в Администрации президента состоялось закрытое совещание по сверхактуальной теме – стратегия по развалу СССР и Варшавского блока. Хотя было понятно, что если падет Советский Союз, то и Варшавского блока не будет. Свой прогноз и предложения давали «яйцеголовые» профессора из университетов Принстона и Йеля. По их мнению выходило, что если брать единицей измерения человеческое поколение, в среднем лет двадцать, то получается, что поколение советских людей сороковых-пятидесятых годов было на девяносто процентов подвержено патриотизму. Это понятно, ведь большая война, утрата близких, тяжкие условия сплотили общество. Следующее поколение – шестидесятых-семидесятых годов – показало снижение крепости коммунистических взглядов условно до семидесяти процентов. Сказалась хрущевская критика основ партии и социализма, которую ласково называли оттепелью. Молодежь стала робко испытывать интерес к западной литературе, музыке и даже образу жизни. Если с нашей помощью эти процессы будут нарастать, то у поколения восьмидесятых-девяностых можно ожидать снижения верности идеалам отцов и дедов еще на тридцать процентов, то есть уже до сорока. С таким показателем можно ожидать больших перемен и серьезных результатов. Но дальше тянуть нельзя, так как есть риск, что пружина, достигнув максимума при нагрузке, либо лопнет, либо начнет разжиматься. Смута или война при разных обстоятельствах может погубить не только страну, но и империю. Но может и, наоборот, зацементировать общество. Основные направления проникновения нашего влияния – это культура, через кино, музыку, литературу, потом наука, через философию, социальную психологию, экономику, историю. Следом идет борьба за экологию, с опасными ядерными исследованиями, вредными химическими технологиями, поворотом сибирских рек. Задача разведки видится в нахождении

там, в Союзе, людей, которые будут проводниками наших идей, и замеры температуры разогрева общества...

– Я слышал, что у нашего директора сложились хорошие отношения с Фондом защиты диких животных, – прервал размышления главы контрразведки собеседник.

Тот усмехнулся:

– Тебя не проведешь, старина. Ты чуешь наших людей под любой окраской. Если твой племянник еще не вступил в это дикое общество, я дам тебе их телефон. Они тоже подключатся. Это будет хорошая легализация для первичного контакта.

– Том уже списался с русским руководителем этого проекта. Они ответили. Даже прислали сборник статей со своей университетской конференции. Ужасная бумага, слепая печать. Может, им, в качестве спонсорской помощи, послать копировальный аппарат?

– Бесполезно. Его сразу заберет себе либо ректор, либо партком. Но ты молодец, Боб. Мне почему-то думается, что у тебя есть еще мысли.

– Биофак университета – это всегда сборище отпрысков местной элиты. Дочки, сыновья, внуки директоров секретных заводов, начальников воинских частей, крупных чиновников.

– Как мне нравятся твои рассуждения, старина! Ты знаешь, мне кажется, что если твоему племяннику удастся осуществить даже часть нашего плана, то он может завалить все тесты. Его все равно возьмут в нашу школу.

– Спасибо, Девид.

– Я прослежу за этим, Боб. Напомни, как звать нашего племянника?

– Томас Фрезер, сэр.

Глава седьмая

Поезд на Саратов уходил вечером.

У Павла с утра было плохое настроение. Накрапывал летний дождик, а в голове постоянно, как мотив незамысловатого шлягера, крутились прощальные слова куратора: «Учеба закончилась, Фауст. Теперь ты будешь сдавать только экзамены. И каждый раз ставка будет все выше и выше. Сейчас ставка – останешься ты стажером управления нелегальной разведки или станешь просто работать в аппарате».

Он понимал, что это мандраж, который пройдет, когда дело дойдет до конкретных действий, но эти слова постоянно крутились в голове, отгоняя другие мысли.

Из метро, не заходя на Павелецкий вокзал, Павел сразу пошел на перрон. Посадка уже началась, но он невольно остановился перед выходом на платформу, как бы собираясь с силами, чтобы нырнуть в холодную воду.

И тут он заметил спрятавшегося от дождя за пустой коробкой дрожащего щенка. Стажеру стало сразу легче: он увидел родственную душу. По перрону с грохотом катил тяжело нагруженную тележку носильщик. Он вез в камеры хранения ручной клади какие-то здоровенные баулы с пришедшего только что астраханского поезда.

Пес учуял в них что-то съедобное, перестал дрожать и пристроился следом за тележкой, даже немного оттеснив в сторону пузатого хозяина груза. Павел понял, что за пса он может быть спокоен. Тот обязательно приживется в багажном отделении – либо у ухарей-носильщиков, либо у дежурных, а может быть, даже у obsługi в дорожном кафе.

Молодой человек усмехнулся и, бодро помахивая сумкой с неброским названием «Спорт», зашагал к своему вагону. «Какой, к

чертям, аппарат, только «поле» и обязательно «на холоде», – он наконец нашел ответ своему куратору.

Вагон был заполнен под завязку. Пассажиры суетились, пытались рассовать во все возможные места сумки, чемоданы, рюкзаки. Как же, они ведь возвращались из хлебной Москвы в свой голодный край, на родину вечного дефицита. Сразу вспоминалась злая загадка «Что такое длинное зеленое и пахнет колбасой?» Ответ: «Поезд из Москвы в провинцию».

К преобладающему запаху вареной колбасы, которую везли здоровенными батонами, и бухтам сосисок добавлялся еще запах мяса. Сетки с ним, по договоренности с проводниками, опускали в камеры под полом. У счастливых из сумок пробивался запах сыра, апельсинов и диковинных бананов. Поэтому салон вагона был наполнен букетом самых непередаваемых запахов.

В купе Павла уже хлопотали попутчики – мать, отец и сын-подросток.

– Добрый день, соседи. Возьмете до Саратова? – Молодой человек бодро взял инициативу по знакомству в свои руки. Семейство отнеслось к этому благосклонно: ее глава, поддерживая шуточный тон, добродушно разрешил:

– Если до Саратова, заходи.

– Павел, – представился молодой человек, он кинул сумку на верхнюю полку и уточнил: – А вы саратовские?

– Коренные, – подтвердил мужчина. – Я Анатолий, моя жена Татьяна, сын Вовка.

– А я первый раз еду в ваш славный город, расскажите мне о нем. С меня чай.

– Принимается. Тогда с нас то, что нужно к чаю, – охотно поддержал Анатолий.

Поезд тронулся, командировка началась. Перед Фаустом стоял четкий план: за время пути он должен собрать информацию об обстановке в городе, наладить устойчивый контакт с местными жителями, чтобы, в случае непредвиденных осложнений, получить

временную «лежку», найти помощников, чтобы задействовать их в случае необходимости. Как подспорье, в сумке «Спорт» дожидались своего часа нераспечатанный блок американских сигарет «Мальборо», произведенных, правда, в Кишиневе, коробка конфет «Зефир в шоколаде», несколько плиток шоколада «Аленка» и упаковка пластинок мятной жвачки «Ригли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

**Валерий
ШАРАПОВ**

**СТАЖЕР
НЕЛЕГАЛЬНОЙ
РАЗВЕДКИ**

ЭТОТ ЭКЗАМЕН ОН ДОЛЖЕН СДАТЬ ПРИ ЛЮБОМ РАСКЛАДЕ

